

Арсен АКОПЯНЦ

ТРАНСНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА И «АКТОРЫ ВНЕ СУВЕРЕНИТЕТА»

В данном исследовании предпринята попытка детального изучения роли культурологических факторов в трансформации современной мировой политической системы. Дана политическая оценка влияния социально-культурной транснационализации на «нетрадиционных» акторов международной жизни.

An attempt of detailed study of the role of cultural factors in transformation of the modern world political system is undertaken in the research. The political assessment of the influence of social and cultural transnationalization on «non-traditional» actors of international relations is given.

Ключевые слова:

транснационализация, «акторы вне суверенитета», модернизация, постиндустриальное общество, сетевые сообщества; transnationalization, non-sovereignty actors, modernization, postindustrial society, network societies.

Понятие «транснационализация» остается достаточно спорным феноменом в науке о международных отношениях. Сам термин пришел в политическую науку из мировой экономики и является описанием совокупности тенденций глобализации международной жизни. В политических исследованиях рассматриваются транснациональные отношения государственных, межгосударственных и «нетрадиционных» акторов мировой политики.

Культурная, политическая, экономическая и социальная парадигмы в анализе феномена транснационализации взаимосвязаны. Например, на государство оказывают влияние транснациональные корпорации и другие акторы «вне суверенитета», которые участвуют как в политических, так и социально-культурных процессах международной жизни.

Культурологический аспект транснационализации международных отношений связан с главными факторами развития современного мирового сообщества — техническими инновациями, профессиональной специализацией, повышением образованности и доходов населения, социально-экономическим развитием. Эти привычные для современного мира понятия действительно меняют формы взаимодействия между людьми и приводят к культурным трансформациям, заключающимся в изменении политического самосознания индивидов в сторону большей самостоятельности, в изменении некоторых гендерных ролей и иных норм жизнедеятельности общества.

О транснационализации в политическом смысле можно говорить тогда, когда «национальные государства, сохраняя существенное политическое влияние, утрачивают, тем не менее, монополию на международное представительство интересов собственных граждан, вступающих ради достижения своих целей в транснациональные связи и сообщества»¹. На сегодняшний день международные компании, лобби и транснациональные СМИ способны поставить под вопрос экономические и идеологические успехи национальных правительств. «Акторы вне суверенитета» в мировом политическом процессе и «группы интересов» во внутригосударственной системе

АКОПЯНЦ
Арсен
Карэнович —
преподаватель
кафедры
инноватики,
управления и права
Пятигорского
государственного
лингвистического
университета
aresman@mail.ru

¹ Стежнева М. Реальность и теория. Интеграция и вовлечение как инструменты глобального управления // Международные процессы, 2005, № 1, с. 18.

формируют контуры постдемократической социально-культурной системы жизнедеятельности общества.

Современные политические партии становятся виртуальными и приобретают форму проектов. В процессе индустриализации общества на смену «социальным группам» и классам приходят «группы населения», не связанные классовыми интересами и идеологией. Так, А.П. Кочетков говорит, что в перспективе «виртуализация публичной политики и вытеснение телевидения плюралистическими интернет-коммуникациями создадут возможность для появления нескольких наиболее влиятельных виртуальных, культурно-политических пространств с разными лидерами и системами локальной организации»¹. Уже сегодня в условиях транснациональных технологических систем происходит унификация рукотворной среды человека. В перспективе возможно появление экстерриториальных или сетевых сообществ.

С другой стороны, существует мнение, что современный постмодерн связан лишь с количественной интенсификацией информационных потоков и общественных процессов. Он не предполагает идеи создания «нового общества», а лишь берет за образец дальнейшее развитие по примеру западной демократии. Так, В. Мартьянов отмечает, что «из-за отсутствия четко определенных запретов и универсальных норм в эпоху “постмодерна” мультикультурализм легко может превратиться в этноцентризм, патриотизм — в фашизм, либерализм — в социализм. “Идеологема” о построении более “гражданского” и “демократического” общества несостоятельна, поскольку не способна стать основой легитимной государственной идеологии или национальной идеей»².

Действительно, неолиберальная политическая и экономическая парадигма, определявшая международную повестку дня в конце 1980-х—90-х гг., сегодня переживает определенный кризис. Такие международные процессы, как вступление России в ВТО летом 2012 г., широкое

обсуждение ситуации в Сирии в Совете Безопасности ООН с включением в процесс Лиги арабских государств, стремление Европейского союза стабилизировать ситуацию в Греции, Италии и Испании с целью сохранения «Соединенных Штатов Европы» являются характерными примерами транснационализации на политическом уровне.

Происходит смещение центра принятия политических решений с национального на наднациональный уровень. Проведение многочисленных саммитов и встреч на министерском уровне, форумов региональных ассоциаций, конференций негосударственных объединений показывает, что процессы глобализации усиливают политическую власть транснациональных элит. «Способность политических элит контролировать национальные электораты снижается. На смену устойчивым альянсам в рамках национальных границ приходит гибкая система временных альянсов, пересекающих государственные рубежи»³. В современных международных отношениях все большее значение приобретают глобальные и локальные факторы. Национальные политические элиты теряют рычаги политического влияния, за исключением таких традиционных рычагов, как право на насилие в целях обеспечения безопасности, макроэкономическая политика и сохранение суверенитета.

В условиях транснационализма и информационной революции индивидам проще воспринимать локальные или даже муниципальные процессы. С другой стороны, граждане государств в эпоху постмодерна чрезвычайно сильно вовлечены в глобальные политические и экономические процессы. Эти два уровня — локальный и глобальный — оказывают прямое воздействие на индивида XXI в. Причем глобальный уровень в большей степени затрагивает экономический и культурный аспект жизнедеятельности общества, а локальный формирует политические и экономические взгляды национального электората. Поэтому важным аспектом транснационализации становится регионализация и ослабление национальных государств. «Государства, — отмечает Й. Гальтунг, — размываются могущественными силами сверху, такими как глобализирующийся капитализм транс-

¹ Кочетков А.П. Власть и элиты в глобальном информационном обществе // Полис, 2011, № 5, с. 14.

² Мартьянов В. С. Интерпретации. Постмодерн — реванш «проклятой стороны модерна» // Полис, 2005, № 2, с. 155.

³ Кочетков А.П. Указ. соч., с. 10.

национальных корпораций и банков. И снизу — национализм и негосударственное, некапиталистическое гражданское общество, которое вдохновляет людей на солидарность и порождает новые идентичности: расширенные семьи, кланы, племена, профсоюзы, города и села, религиозные группы, повстанцы»¹.

Широкое взаимодействие государственных и неправительственных, государственных и международных субъектов, транснациональных сетей, пересекающихся друг с другом, формирует «глобальное гражданское общество» и транснациональное политическое участие. Глобальную повестку дня в области культуры, как правило, формируют транснациональные СМИ и социальные сети. Подобная структура современной эпохи постмодерна предполагает множество политических теорий, объединенных термином *global governance* (в российской политической литературе — глобальное управление). При этом агентами глобального управления выступают национальные правительства, международные организации, неправительственные объединения, ТНК, эпистемические сообщества, индивиды. С нашей точки зрения, проводниками транснационализма можно назвать социальные движения, трансграничные этнические сообщества и, в определенной степени, международные террористические группы.

Социальные движения, к примеру массовые гражданские восстания по примеру «арабской весны», становятся субъектами транснационализации мирового политического процесса, причем данный феномен носит динамичный характер. В ситуации в Сирии участвуют заинтересованные группы государств (Россия, Китай, Турция, США и страны ЕС), трансправительственные террористические сети, а также межправительственные организации, такие как ЛАГ и ООН. Массовые восстания могут поддерживаться зарубежными заинтересованными группами или международными НПО.

Транснациональными социальными движениями могут быть и международные мероприятия протеста. Транснациональные акции протеста можно наблюдать на ежегодных саммитах G8 и

G20. Акции движения *OccupyWallStreet*, выступавшего против глобального неравенства, захватили множество городов США, проводились в Великобритании, Испании, Канаде, Греции, Израиле и отчасти в России.

Значительная часть транснациональной деятельности обусловлена материальными интересами, такими как трудовой интернационализм (С. Тэрроу). Не менее важными представляются различные движения за мир, права человека и демократизацию, против нанесения ущерба природе путем промышленной застройки, за права иммигрантов, коренных народов и т.д. Зачастую схожие в целях организации объединяются в транснациональные сети.

Сегодня в результате глобальных миграционных потоков «актерами вне суверенитета» становятся диаспорные сети мигрантов и транснациональные пространства поселенцев. Связи, которые устанавливают между собой мигранты, беженцы и миграционные сообщества в экономике, политике и культуре, образуют транснациональные пространства. Т. Файст выделил 3 типа транснациональных пространств: малые родственные группы (или семьи), транснациональные сети связей (циркуляция людей, товаров и услуг через национальные границы) и транснациональные сообщества (диаспоры). Диаспора является наиболее устойчивым сообществом мигрантов, имеющим набор особых связей, позволяющих ему успешно функционировать². Транснациональное сообщество является диаспорой, а следовательно «актером вне суверенитета», если сохраняет значительные символические и социальные связи с принимающей страной. В противном случае это лишь сообщество людей, целью которых является возвращение на историческую родину. Как правило, диаспора характеризуется наличием лобби, формирующего политическую и экономическую основу связей с той страной, в которой она находится (например, армянская, китайская, еврейская диаспоры).

С точки зрения Р. Касториано, создание ассоциаций и структурных общин является новым элементом транснациональ-

¹ Гальтунг Й. Десять тенденций, меняющих мир // Россия в глобальной политике, 2011, № 4, с. 12–13.

² Кочетков В.В., Калинин В.Ю. Национальные диаспоры в транснациональном пространстве // Вестник Московского университета, сер. 18. Социология и политология, 2009, № 1, с. 83.

ности. В современных условиях идет процесс институционализации миграции¹. Множество транснациональных общин нацелено на действия в качестве «групп давления», требующих политического признания в обоих политических пространствах.

Глобализация позволила множеству негосударственных акторов международных отношений занять более активную позицию в мировом политическом процессе. Международные террористические организации удивительно легко освоились в меняющемся мире с проницаемыми границами и размываемым государственным суверенитетом². Транснационализация терроризма проявляется в наличии у него особой идеологии, использовании им методов устрашения в международных масштабах в отношении гражданского населения. Терроризм является в меньшей степени проводником транснационализации, но в большей степени элементом, паразитирующим на развитии коммуникационных и информационных технологий.

Одновременно он является проводником нового сетевого принципа организации международно-политического пространства. В современных условиях террористы формируют интегрированные, полицентричные идеологические сети. Кроме того, формируются многоцелевые террористические группы без четкой идеологической основы. С другой стороны,

и антитеррористическая коалиция, сформировавшаяся после 11 сентября 2001 г., по сути является новым транснациональным актором, игнорирует национальные границы и суверенитет в условиях, когда государство самостоятельно не может справиться с угрозой террористических сетей.

В оценке влияния «акторов вне суверенитета» на процессы транснационализации международной жизни стоит обратить внимание на уровень распределения материальных и человеческих ресурсов между ними и национальными государствами. Ввиду ограниченности ресурсов определяющим элементом деятельности транснациональных акторов становится международное сотрудничество. «Государства идут на создание организаций и режимов, когда “транзакционные издержки” ведения переговоров и усилий по соблюдению договоренностей без создания формальных институтов становятся слишком высокими по сравнению с регулируемым сотрудничеством»³.

Для «акторов вне суверенитета» международное сотрудничество и взаимозависимость становятся одной из немногочисленных форм реализации собственных стратегий. Поэтому культурологический аспект глобализации, экономическая взаимозависимость, а также новые информационные методы взаимодействия являются эффективными механизмами реализации целей и задач транснациональных акторов международных отношений.

¹ Касториано Р. Глобальные тенденции и проблемы. Расселение, транснациональные общины и гражданство // Международный журнал социальных наук, 2001, № 32, с. 74.

² Соловьев Э. Реальность и теория. Сетевые организации транснационального терроризма // Международные процессы, 2004, № 2, с. 72.

³ Никитина Ю. Американское понимание негосударственных субъектов // Международные процессы, 2010, № 1, с. 140.